

Владимир Михайлов

Игра в звуки

*Часть сборника
Решение номер три (сборник)*

Владимир Михайлов

Игра в звуки

«Автор»

2005

Михайлов В. Д.

Игра в звуки / В. Д. Михайлов — «Автор», 2005

«Когда в вечерний час отдохновения и мечтаний человек уходит из реальной жизни – не насовсем, разумеется, но лишь на то время, пока звучит Девятая «Крейцера» Людвига ван... и когда во время вполне ожидаемой паузы между «Адажио sostenuto» и «Темой с вариациями» в сознание слушателя совершенно неожиданно вторгается звук столь же громкий, сколь и немзыкальный, здесь и сейчас совершенно неуместный – этого, поверьте, оказывается вполне достаточно для того, чтобы вывести человека из себя и заставить его совершать действия нелогичные, неоправданные и, возможно, даже недостойные, о которых впоследствии можно будет только пожалеть...»

© Михайлов В. Д., 2005

© Автор, 2005

Владимир Михайлов

Игра в звуки

1

Когда в вечерний час отдохновения и мечтаний человек уходит из реальной жизни – не насовсем, разумеется, но лишь на то время, пока звучит Девятая «Крейцера» Людвига ван... и когда во время вполне ожидаемой паузы между «Адажио sostenuto» и «Темой с вариациями» в сознание слушателя совершенно неожиданно вторгается звук столь же громкий, сколь и немзыкальный, здесь и сейчас совершенно неуместный – этого, поверьте, оказывается вполне достаточно для того, чтобы вывести человека из себя и заставить его совершать действия нелогичные, неоправданные и, возможно, даже недостойные, о которых впоследствии можно будет только пожалеть.

Вообще-то немзыкальных звуков возникло два. Но первый не привлёк внимания слушателя Девятой: то было привычное кошачье мяуканье, сперва деликатно негромкое. Кот просто хотел выйти. Однако его хозяин, поглощённый ожиданием «Вариаций», пропустил просьбу четвероногого мимо ушей. Кот повторил – на сей раз громко и выразительно, как это умеют оскорблённые и ограниченные в своих естественных правах коты.

И снова остался не услышанным. Не только потому, что пошла «Тема». А и потому, что иной, куда более громкий и явно посторонний звук просто заглушил кошачью жалобу.

Может быть, впрочем, и он, сопровождавшийся к тому же яркой и протяжной вспышкой за окном, куда более длительной, чем заурадная молния, не заставил бы Зенона Птича отреагировать на происшедшее так бурно, как это произошло в действительности. Согласитесь, однако же, трудно сохранить высокомерное спокойствие, если Кузя, ваш кот, друг жизни и доверенный души, благовоспитанный и многоопытный, раздражается на этот раз уже громчайшим и дичайшим мявом, какого Зенону не приходилось слышать за десять лет их мирного сосуществования, и более того, если достойное четвероное тут же, без малейшего разбега, совершает небывалый прыжок, собственной массой распахивает дверь и исчезает в густой мгле.

Так что, я думаю, никто (окажись у этой сцены хоть один зритель) не удивился бы, увидев, что в следующую секунду Зенон Птич, совершенно утратив самообладание, последовал за котом, лишь самую малость уступая ему в скорости. Впоследствии и сам Птич так и не смог найти разумное объяснение некоторым деталям своего тогдашнего поведения: тому, например, что он даже не задержался в помещении хоть на миг, чтобы выключить источник музыки, в то время как всю жизнь – и до, и после описываемого происшествия – был твёрдо убеждён в том, что заставлять музыку звучать там, где её никто не слышит, – не что иное, как издевательство над высшими достижениями человеческого гения. А музыку Птич, как вы уже поняли, относил именно к таким достижениям. Не всякую, конечно.

2

Снаружи было темно и сухо. Стояла ранняя осень, и горьковатый её аромат вызывал в душе чувство умиротворения и лёгкого сожаления об уходящем. Начавшие уже опадать листья тихо и обиженно перешептывались под ногами. В другое время Зенон обязательно постоял бы минуту-другую на месте, чтобы по достоинству оценить и запомнить эти впечатления. Сейчас, однако, ему было не до того.

– Кузя! – позвал он на бегу. – Кис-кис! Да Кузя же! Куда тебя понесло? А рыбка?

(Тут следует отметить, что Птич, убеждённый противник всякой рекламы, никогда не унижался до того, чтобы потчевать своего друга искусственной ерундой в пакетиках, хотя один такой хранился в кухонном шкафчике – на всякий пожарный. Естественное нуждается в естественном, полагал он. И специально для Кузи покупал рыбу, причём никак не жирную: мойву, например, кот обходил по дуге большого круга.)

– Кузя! Да где же ты?! – снова воскликнул меломан едва ли не в отчаянии.

Кот отозвался; судя по силе и интонации ответа, он был возбуждён донельзя. Он бесшумно скользил где-то впереди, за деревьями, но направление Птич избрал правильное. Преследователь увеличил скорость до предела, разрешённого видимостью – а вернее было бы сказать «невидимостью», вечер уже соединился с ночью, – и стволами деревьев, возникавшими каким-то образом вовсе не там, где располагала их память.

Напрягая зрение, Птич не пренебрегал, однако, и сигналами других органов чувств. И не пропустил мимо внимания ни изменившегося почему-то запаха (вместо мягкой горечи возник вдруг легко узнаваемый, резкий и свежий оттенок озона), ни лёгкого, но с каждым шагом усиливавшегося звука; сперва он походил на потрескивание, но был в нём и какой-то элемент звонкости, как бы крохотные колокольчики трепетно общались между собою. Здесь – в дачной глухомани, в лесу, который ночью мог показаться даже и диким, ничего подобного прежде не слышалось и не обонялось. Так что ничего удивительного в странном поведении кота (думал Зенон на бегу) не было: просто кошки не любят неожиданностей.

Чужой запах между тем становился всё более сильным, колокольчики – громкими, хотя ритм их ощутимо замедлялся, как бы в противовес звукам, издававшимся Кузей и напоминавшим теперь уже скорее рычание. Видимо, кот не ожидал от цели, к которой стремился, ничего хорошего, и был готов даже к самым крайним мерам. Судя по звуку, он остановился; следовательно, динь-динь озонатор (такое условное название дал источнику волнений Птич) находился уже совсем рядом. Кошачий рык – с явными признаками сиплости – доносился теперь откуда-то сверху; кот, в соответствии с требованиями безопасности, занял позицию на одной из близстоящих берёз, распластавшись на нижней ветви и не переставая призывать хозяина к активному вмешательству. Жёлтые глаза Кузи светились, как фонарики, выдавая его местопребывание.

Птич остановился и, медленно переводя дыхание, стал всматриваться в совсем уже густую тьму. Жаль было, что кошачьи глаза всё же не действуют подобно фарам и не могут осветить то, с чего Кузя почти не сводил взгляда, лишь изредка на мгновение взглядывая на хозяина и как бы приглашая его поскорее заняться делом.

Однако человеческое зрение хотя и уступает кошачьему, тоже способно адаптироваться к темноте. Так что Птич, постояв с полминуты в неподвижности и не обнаружив за это время никаких признаков чьей-либо агрессивности, начал медленно, шаг за шагом, приближаться к тому, что находилось в десятке метров от него и отсюда представлялось ему небольшим – с футбольный мяч примерно – сгустком мглы, ещё более тёмным, чем сама ночь.

При этом хозяин Кузи испытывал сразу несколько ощущений.

Первым из них был, наверное, всё-таки страх. Ничего удивительного: всякая неожиданность не только у кошек, но и у людей включает прежде всего инстинкт самосохранения, чьё проявление и называется страхом.

Однако уже в следующее мгновение возникло и другое чувство, Птичу не столь привычное, – азарт.

Вообще он был человеком спокойным, как говорится, педантичным. Педантов не относят к людям азартным – и совершенно правильно. Но вот на сей раз реакция его оказалась именно такой. Быть может, азарт в зачаточном состоянии всегда обитал в душе Зенона, но не возникало в жизни обстоятельств, в каких эта спора могла бы пробудиться и начать своё развитие. Птич ни разу не выигрывал в лотерею, голову его не озарили свежие идеи, в его руки не попадали

старинные карты с указанием зарытых кладов, и даже десяти рублей на земле он никогда не находил. Он не играл ни в футбол, ни в теннис, ни в преферанс. И считал себя совершенно недоступным для каких бы то ни было увлечений. Потому, кстати, и жил холостяком.

Но вот сейчас, когда произошло нечто – не станем говорить «таинственное», поскольку этого мы ещё не знаем, но уж во всяком случае неожиданное, – сейчас это странное, ранее не испытанное чувство вдруг обозначилось и стало стремительно расти в нём, оттесняя всё остальное, и страх в том числе, куда-то на задворки характера.

Впервые на его веку возникла возможность пережить приключение. Так, во всяком случае, он почувствовал. И этого оказалось достаточно, чтобы Птич принялся поступать вопреки собственным традициям.

3

Остановившись шагах в пяти, Зенон Птич принялся медленно, методично сканировать взглядом всё окружающее, намеренно не замечая явно постороннего предмета. Прежде всего, полагал исследователь, стоило убедиться в том, что неизвестный предмет, от которого и доносились всё более редкие звоночки, был тут один, и ни от чего другого не последует неожиданных вмешательств. Осторожно приблизившись ещё на шаг, он запретил себе совершать какие бы то ни было действия, пока не составит представление о том, с чем же это он встретился и чего можно было ожидать от нарушившего его покой явления, а на что рассчитывать никак не следовало.

Он рассуждал – или пытался рассуждать – строго и беспристрастно, не позволяя эмоциям сбить себя с толку. И каждый факт принимал лишь после всестороннего и достаточно глубокого анализа. Таким путём ему за какие-нибудь двадцать минут удалось прийти к следующим выводам.

Первое: ещё вчера (а «сегодня» если и наступило уже, то не более чем полчаса тому назад) здесь ничего подобного не наблюдалось. Это Птич подтвердил бы даже на судебном заседании. Давний обитатель (с мая по октябрь) этих краёв, он отлично знал, что место, в котором он сию минуту находился, разве что тёмной ночью могло показаться густым лесом, на самом же деле было всего лишь достаточно хилой рощицей, которая днём с лёгкостью просматривалась насквозь. Где-то метрах в четырёх от того места, где Птич сейчас стоял, шла хорошо натоптанная тропа, проложенная грибниками. Так вот, сегодня перед вечером, настраиваясь на предстоявшее слушание музыки (столь странным образом прерванное), Птич и сам совершил ежедневный моцион по этой магистрали, и будь здесь что-то этакое, чему быть не надлежало, он обязательно это заметил бы.

Рассуждая далее, Зенон не прошёл, разумеется, мимо такой вероятности: уже вечером, в сумерках, тропой воспользовался какой-то гражданин, чтобы сократить путь от дачного посёлка до станции. С собою прохожий имел нечто – вероятнее всего, всякий мусор вроде консервных банок, пластиковых бутылок, куриных костей и тому подобного, упакованного в чёрную плёночную сумку; избавиться от мусора в посёлке почему-то не решился, а тут, где никто за ним не наблюдал, просто размахнулся – и швырнул подальше. Аккуратность, к сожалению, даже при рыночной экономике не приходит сама собой. Так что такой вариант событий представлялся как бы самым вероятным.

Но только на первый взгляд. Потому что трудно было предположить, что выброшена, в числе прочего, могла быть музыкальная шкатулка с колокольчиками. В наши дни антиквариатом не бросаются. И тем более никто не стал бы швырять прочь работающий плеер.

Правда, гипотетически прохожий мог находиться в нетрезвом состоянии. А такие, как известно, могут под настроение выкинуть не только плеер, но и самого себя с какого-нибудь двадцатого этажа. Однако на эту мысль тут же нашлось возражение: в подобном состоянии

люди обычно передвигаются с характерным звуковым сопровождением – исполняют песни из довольно узкого репертуара или произносят без всякого повода монологи, не воспроизводимые в печати – во всяком случае, раньше не воспроизводившиеся, когда ещё существовало понятие приличий. Опять-таки, это никак не прошло бы мимо музыкального слуха Зенона, как не миновал его грохот...

Да! Вот уж действительно – про слона он и забыл. Хотя и заметил его вовремя.

Грохот этот, да ещё и кратковременное сияние, с представлением о прохожем никак не вязались.

Грохот. Свет. И в результате – этот вот предмет?

Может быть, он свалился сверху? Скажем, взорвался самолёт, и упавшее является частью машины или же багажа? Или (Птич почувствовал, как холодный озноб вдруг пробрал его до костей), не дай бог, лётчика или даже пассажира? Всё-таки даже на минуту нельзя забывать, что мы живём в век терроризма...

«Ужас!» – только и смог подумать Птич, когда его воображению представилась чья-то голова, отрезанная и аккуратно упакованная в чёрный полиэтилен.

Террористы! Ну конечно же! И, скорее всего, голова тут ни при чём. Бомба! Всё совершенно ясно, коварный замысел: летать вечерами на самолётах и разбрасывать бомбы – в расчёте на извечное людское любопытство. Потому что всякому ясно: нормальный человек, увидев валяющийся без присмотра аккуратно упакованный предмет, ни за что не пройдёт мимо просто так. И не побежит сразу же в милицию, чтобы сообщить о подозрительной находке. Прежде всего он захочет самолично разобраться в том, а что это такое и не пригодится ли оно в хозяйстве. И уж только если находка окажется ну совершенно не нужной...

А может быть – забирай выше? И злобный замысел принадлежит вовсе не каким-нибудь талибам, или как их там (Птич следил за политическими событиями не очень внимательно), но тем неизвестным, что безнаказанно шныряют над миром в своих летающих тарелках. И вполне способны ловить людей на такую вот простую наживку, чтобы, воспользовавшись их доверчивостью, незаметно приблизиться и...

И едва такая мысль успела созреть в его голове, как некто, бесшумно подкравшийся сзади, неожиданно и крепко схватил его за плечо. Просто-таки вцепился.

Это было уже слишком.

Со слабым стоном Зенон, теряя сознание, рухнул на землю.

4

– Кузя, – придя в себя, сказал Птич слабым голосом, препятствуя своему компаньону залезть ему на грудь, как кот было вознамерился. – Право же, я не ожидал от тебя такого! Сзади, без предупреждения! В такой момент! В подобной обстановке! Ты же не метеорит, чтобы вот так внезапно, сверху! Если бы...

И тут он умолк. Потому что понял: слово найдено! Тайнственный предмет назван. А назвать – значит понять. Даже более того: овладеть.

Теперь Птич не понимал: почему сразу не пришёл к столь простому и естественному выводу? Всё ведь лежало на поверхности!

Хотя – ничего удивительного в этом, собственно, не было. Птич знал за собой такую манеру: никогда не штурмовать проблему в лоб, но заходить с тыла, предварительно перерезав все отходные пути.

Именно метеорит. Может быть, кто-нибудь предположил бы, что в случившемся замешана какая-нибудь летающая тарелочка. Но в них Птич не верил. А существование метеоритов было давно доказано и сомнений ни у кого не вызывало.

Итак, всё ясно. В том числе и то – как следует отнестись к случившемуся.

С благодарностью.

Прежде всего потому, что метеорит этот упал очень деликатно. Не нанёс никому никакого ущерба. Даже ни ветки не сбил. А ведь прими он чуть в сторону – и угодил бы прямо в дом. Это было бы ужасно.

Однако это только одна сторона события. А ведь есть, понимал Птич, и другая, куда более приятная.

Метеорит – это ведь не просто так.

Он – и об этом тоже писали и говорили – денег стоит. И немалых. Если его продать.

А для этого нужно прежде всего этот подарок судьбы унести домой. И надёжно укрыть от посторонних взглядов, каких в доме у Птича хотя и не было, но случайно могли возникнуть. В частности, вечером должен был прийти Эмигель: был вечер игры в звуки.

Размер небольшой. Если метеорит не золотой или свинцовый, то его можно запросто унести в руках.

Птич уже шагнул было. Но вовремя остановился.

Ну, а если радиоактивный? Это ведь такое дело: не видишь, не слышишь, не чувствуешь – а он с тобой разделяется. Словно карманный вор. Крадёт твоё здоровье и даже жизнь.

Был бы дозиметр... Но его у Птича не только с собой не было, но и вообще. Хотя – не всё, как говорится, потеряно.

– Кузя! – сказал Птич очень ласково. – Драгоценный мой! Вы ведь все всегда чувствуете – что хорошо и полезно, а что вредно и плохо. Такие у вас способности.

Давай сделаем так: подойдём поближе к этой штуковине, ты будешь реагировать, а я – смотреть на тебя. Если сиганёшь от неё – значит, нужна осторожность. А если нет...

Кот вроде бы возражать не стал. Зенон ещё погладил его, взяв на руки. Но силой не удерживал: с кошками такие номера не проходят. И, неся на груди, как малого ребёнка, стал очень неторопливо продвигаться к лежавшему и давно уже переставшему звенеть предмету.

Осторожность была ещё и тем вызвана, что упавшие метеориты, как всем известно, от трения о воздух раскаляются и потом ещё некоторое время остаются горячими. Оттого их падение вызывает пожары.

Но на этот раз пожара, к счастью, не возникло. А почему, кстати?

Эта внезапная мысль заставила Птича снова остановиться и даже плотнее прижать к себе кота, который выразил недовольство этим действием, сделав вид, что собирается высвободиться и даже спрыгнуть на землю; Птич, однако, давно уже полагал, что разбирается в намерениях своего хвостатого товарища, и предположил, что на самом деле такого желания у Кузи нет. Это могло означать, что у кота существуют какие-то опасения по поводу создавшейся обстановки; с другой же стороны, никаких серьёзных неприятностей он не ожидал – иначе он действительно попытался бы освободиться и удрать с такой же скоростью, с какой устремился сюда из дома четверть часа тому назад.

Да, не более четверти часа. За это время, – подумал Зенон, – раскалённое и массивное тело такого объёма вряд ли могло совершенно остыть. И сейчас, находясь в трёх шагах от прищельца из неведомых краёв, несомненно, можно было бы ощутить исходящее от него тепло.

Освободив правую руку от заботы о коте, Птич нерешительно протянул её по направлению к телу – вперёд и вниз – чтобы всё-таки ощутить изменение температуры, если оно, конечно, существовало.

И Птич действительно ощутил его. Но не тепло. Напротив, от лежащего предмета исходила скорее прохлада. Оно явно было холоднее окружающего воздуха.

Это никак не соответствовало...

До конца сформулировать возникшее сомнение Птич просто не успел. Потому что именно в это мгновение кот Кузя ухитрился всё-таки выскользнуть из хозяйских объятий. Но

вместо того чтобы мчаться домой, смело приблизился к лежавшему в шаге перед ними предмету. И, что было уж вовсе неожиданно, вдруг замурлыкал, как если бы его приласкали.

Зенон Птич невольно протянул руку, чтобы удержать Кузю от опасных демаршей. Предмет же, как бы откликнувшись на движение руки (которое можно было счесть и приветствием, а также предложением приблизиться), вдруг всплыл в воздухе и ткнулся в обращённую к земле ладонь. И как бы прилип к ней. Причём Птич не ощутил никакого давления на руку: шар, снабжённый множеством коротких, но не острых рожек (а теперь уже стало понятно, что тело обладало именно такой формой), не тянул руку к земле, но и не пытался приподнять её; он как бы уравновесился в окружающей его среде.

Первым движением Птича было – резко потрянув кистью, освободиться от непрошеного и даже нахального гостя. Движение это было вызвано в первую очередь тем, что шар оказался действительно холодным, как бы ледяным, и прикосновение его было столь же болезненно, как если бы то был ожог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.